

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В. В. МАЯКОВСКОГО

Совещание в Союзе советских писателей СССР

В. Назаренко (Ленинград) посвящает свое выступление вопросу о стихе Маяковского. — Литературоведы не сумели еще осветить светом сталинского учения о языке коренной вопрос теории поэзии: в чем состоит историческое развитие русского стиха? — говорит он. — Многие считают, что это развитие состоит в том, что системы стихосложения путем революционных взрывов сменяют одна другую. Говорят о совсем разных системах в народном творчестве, классической поэзии, поэзии Маяковского.

Маяковскому приписывается некая «тоническая система», продолжает В. Назаренко, но такой «системы» нет, ее выдумали стиховеды декаденты, и это, к сожалению, механически перенесено в учебники, например, в «Теорию литературы» Л. Тимофеева. Но стихи нельзя слепить, их только из числа ударений в строчках. Тогда любая проза может считаться «тоническим стихом». Говорят о «тонической системе», теоретики впадают в заблуждение, литературную молодежь В. Назаренко говорит, что система стихосложения — это не форма поэтического произведения, что она не надстроена явление. Оратор считает, что развитие русского стиха состоит в формировании и дальнейшем развитии единой национальной системы русского стихосложения. При всем своем своеобразии и народности стих и стих Маяковского — произведения этой единой системы, основные принципы которой сформулированы Ломоносовым.

Далее В. Назаренко говорит, что новаторство Маяковского в области стихосложения состоит не в том, что он изобрел «новую систему» (ее и нельзя изобрести, она создается народом, свойствами языка), но в том, что Маяковский чрезвычайно обогатил, расширил русскую национальную слабую стихическую систему. Маяковский открыл целый ряд новых размеров, варьирующих пять основных; открыл законы сочетания разных размеров в пределах одного стихотворения. «Политризм» стиха Маяковского — это не набор латинских ритмов, объединенных одной «ораторской интонацией»; эта политризматика подчинена строгим законам, раскрыть которые можно, только исходя из ломоносовских принципов. Маяковский учит диалектическому пониманию стиха, дает образцы перехода, «превращения» размера в размер.

Слабозвонный стих Маяковского отказывается признавать, говорит В. Назаренко, потому, что неверно понимают слабую-тонкую, как исключительно равносложные и равноударные строки. Но ничего подобного не говорил Ломоносов: ничего подобного не говорит практика классической поэзии. В. Назаренко утверждает, что такое превращение понимания идет от стиховедов декадентов, которые задало же С. Трубецкому, М. Штомгарму изображать ломоносовский стих книжным, скановым, искусственным, не вполне свойственным русскому языку.

Утреннее заседание 22 января началось выступлением Р. Григоряна (Ереван). — Побочные споры вокруг Маяковского, — говорит Р. Григорян, — отвлекают нас от основной и действительно главной нашей задачи — ведения широкой пропаганды традиций Маяковского, борьбы за глубокое внедрение этих традиций.

Р. Григорян считает положительным итогом дискуссии то, что в ней достигнута ясность в понимании некоторых спорных вопросов.

Но в оценку дореволюционной деятельности Маяковского, по мнению Р. Григоряна, ни докладчик В. Друзин, ни многие выступавшие ясности не внесли.

Решение этого вопроса необходимо многомиллионному читателю Маяковского и тысячам преподавателей литературы наших школ.

С первых же дней своей литературной деятельности, говорит оратор, Маяковский никогда не сворачивал с однажды избранного революционного пути. Мы делаем слишком высокую честь жалкой группе русских футуристов, когда так много о них говорим, а тем более, когда с такой легкостью отдам им Маяковского.

Маяковский вырастил русскую революцию, она и подняла его на высокий гробчик революционной поэзии. Не случайно, что Маяковский упорно считал началом своей литературной деятельности 1909 год, а не 1912 год. Великий певец революции родился в Бугирынской тюрьме, а не в жалкой группе аристократических буржуазных интеллигентов. Такова научно правильная трактовка проблемы дореволюционного Маяковского.

Р. Григорян полемизировал с некоторыми положениями рецензии С. Львова на его книгу, напечатанную в «Литературной газете», считая, что упрек в сглаживании высказываний раннего Маяковского о Хлебникове, выдвинутый в этой рецензии, не заслужен.

Р. Григорян критикует книгу Е. Успенского о Маяковском и В. Ерицовой, который, по мнению оратора, должен был самокритически признать свои прошлые ошибки в отношении к творчеству великого поэта.

В заключение оратор говорит: — Мы должны совершить решительный поворот к традициям Маяковского. Перо каждого писателя должно быть поставлено на служение делу строительства коммунизма с таким темпераментом, рвением, страстностью, как это умел делать Маяковский. Литературные традиции Маяковского — это все сто томов его партийных книг, по которым мы день за днем можем познакомиться с важнейшими событиями нашей жизни. Маяковский, отталкиваясь на все, что волновало страну, все же продолжал считать себя в непримиримой борьбе «первостепенным поэтом», про что не успел написать. Многие из наших поэтов могут сказать, что осуществляют эти традиции Маяковского? Маяковский был гитаном социалистической поэзии и давно перестал раба одной лишь русской литературы. Он стал родным поэтом для всех литератур советских народов. С 1920 года он вошел в армянскую литературу и с первых же дней занял там место великого, первооткрывателя. Его стихи и поэмы записаны и переписаны на армянском языке почти в каждом, их любовно читают и заучивают армяне-поэты. Точно так же он пошел в литературу грузин и украинцев, таджиков и белорусов. Маяковский вошел и в литературу Чехословакии и Польши. Китая и Кореи, победно шагает по всем странам мира, как продолжение. Начал см. в № 10 и 11 «Литературной газеты».

ведущий всей революционной, прогрессивной литературы!

Совещание приветствует немецкий поэт лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» И. Бехер.

И. Бехер говорит: — Я пришел сюда как писатель к своим лучшим друзьям, советским писателям, чтобы выразить любовь и уважение, которое питает наш народ к гениальному советскому поэту В. Маяковскому.

В начале своего выступления И. Асеев говорит о том, что жизнью давно решен вопрос — понятие ли Маяковский широким читателем. Сейчас такой вопрос казался бы странным, а между тем он еще сравнительно недавно упорно дебатировался. Решен и вопрос о том, был ли Маяковский до революции революционным поэтом.

И. Асеев критикует тех, кто до сих пор проявляет опасное отношение к поэтическому новаторству Маяковского, «стремясь вернуть поэзию к ее исконной общности».

— Для меня удивительно, — говорит он, — когда хороший поэт, чувствующий слово, его звучание, его место в ряду других слов, но совершенно уверенный, что весь строй стиха ограничен известными, раз навсегда закрепленными ритмами, всецело полагает, будто бы Маяковский нарушил эти традиционные размеры без знания их, неумения писать точными размерами.

Говоря о том, что у некоторых исследователей поэзия любви в Маяковском сейчас же выдает себя непониманием его стихов, И. Асеев критикует разбор поэмы «Облако в штанах», произведенный В. Иорданом, а также книгу В. Перцова в целом.

Характерной особенностью этой книги, по мнению И. Асеева, является трактовка Маяковского, как неуравновешенного, мятущегося интеллигента, бросающегося от футуризма в революционный протест.

Вопрос изучения поэтического образа, гиперболы в творчестве Маяковского было посвящено выступление З. Паперного. В этой связи он подверг критике книгу В. Бакланова, в которой, по его мнению, обнаруживается непонимание природы художественного образа, и книгу «Живой с Маяковским» С. Трубецкого за отсутствие в ней какой бы то ни было конкретного анализа художественного своеобразия и мастерства Маяковского.

В заключение З. Паперный протестует против попытки монополизировать изучение творчества Маяковского, провозглашающей, в частности, в выступлениях С. Кирсанова.

— Перед нами светлая, высокая задача, которую называют поэзией Маяковского, — говорит выступающий. — Пора снять наплыв, которую пытались воздвигнуть перед этим знанием С. Трубецкому и другие: «Вход строго воспрещен». Пора повесить другую надпись: «Добро пожаловать».

Е. Наумов (Ленинград) в начале выступления дал краткий обзор изучения жизни и творчества Маяковского.

Изучение Маяковского движется вперед, развивается и обогащается. Можно точно определить начало этого движения. Это отзвук товарища Сталина о Маяковском. Именно здесь лежат истоки науки о Маяковском, — говорит оратор. — Со времени отзыва товарища Сталина о Маяковском появилось немало книг и статей, верно освещающих жизнь и творчество поэта, обогащающих наше представление о поэте и его наследии. Это, — говорит оратор, — напечатанные в конце тридцатых годов работы Серебрянского, Трубецкого, Фейермана, Реформатского, Тренкина, Перцова, воспоминания Л. Маяковского о детских и юношеских годах Маяковского; работы Мотенко, Мейлаха, Эвентова, Катаняна, появившиеся в последние годы, и, наконец, книги и статьи о Маяковском, появившиеся за три последних года. Хотя не все в этих работах одинаково ценно, общий вывод таков — наука о Маяковском не стоит на месте, она продолжает развиваться. Труды товарища Сталина по изучению Маяковского, материалы XIX съезда партии открывают для нас новые блестящие перспективы.

Далее Е. Наумов говорит о существенных пороках в изучении Маяковского, связанных с вулгаризаторскими утверждениями, что Маяковский «взрывал» русский язык.

Е. Наумов критикует статью «Литературная газета» о книге В. Перцова. Он считает, что эта статья неверно ориентировала исследователей, представляла дело так, что вопрос о раннем Маяковском решен раз и навсегда. Это тем более неправильно, что к книге В. Перцова приобщены серьезные ошибки, в ней нет достаточных указаний на элементы социалистического реализма в раннем творчестве Маяковского; в ней лишь бегло представлены художественная эволюция поэта.

Редакционную статью в «Комсомольской правде», которая целиком уничтожает книгу В. Перцова, Е. Наумов считает необъективной. Предмет этой статьи, по мнению Е. Наумова, состоит в том, что она наивно зачеркивает книгу В. Перцова, в основном правильно решающую один из самых запутанных вопросов — вопрос о Маяковском и футуризме, указывающую, что главный источник формирования Маяковского надо искать не в футуризме, а в революционной деятельности поэта, в самой русской революционной действительности, в личности поэта к Горькому.

Е. Наумов критикует «Литературную газету» за рецензии на книгу В. Бакланова и на книгу В. Новикова, утверждая, что такие краткие оценки литературоведческих книг не могут заменить собой их серьезного анализа и нередко приводят к «вкусовщине».

В заключение автор осуждает несамостоятельную позицию, занятую С. Трубецким, который до сих пор игнорирует критику в свой адрес на страницах «Правды».

— Это совещание, — говорит Н. Грибачев, — помогает нам яснее видеть недостатки нашей работы в области изучения жизни и творчества талантливейшего поэта нашей советской эпохи, дает писательской общественности возможность учесть различные точки зрения. Практические результаты дискуссии должны быть, вероятно, будут, то что Союз писателей возьмет под общественный контроль издание сочинений Маяковского и литературоведческих работ о нем. Серьезное и принципиальное выступление И. Эвентова не оставляет сомнений в необходимости такого решения.

Н. Грибачев резко осуждает попытку некоторых участников дискуссии пометить мелкобуржуазной групповой возней серьезные вопросы серьезных проблем. В этой связи оратор критикует выступления С. Трубецкого, которое, по его мнению, является смесью мелкого политиканства, грубых выпадов и поверхностной декламации, будучи в то же время полностью несамостоятельным.

Далее Н. Грибачев подробно анализирует книгу С. Трубецкого «Живой с Маяковским».

Отмечая как удачу критику статьи «На линии огня», где С. Трубецким с позиций Маяковского критикует субъективистскую поэзию, Н. Грибачев говорит, что статья «Школа Маяковского» в этой книге является сепаратской и фальсифицированной: сепаратской потому, что в ней С. Трубецким зачеркивает работу всех современных поэтов, которые не ищут «интонационных» стихов, как он называет стих Маяковского, а фальсифицированной потому, что эта статья обобщает Маяковского от истории русской литературы и тем самым приписывает прежде всего самого Маяковского.

— Как можно иначе расценивать тот факт, — продолжает оратор, — что критик, начав разговор о преемственности литературных традиций, в огромной статье, насчитывающей 109 страниц книжного текста, умудрившись ничего не сказать об истории русской поэзии, о преемственности традиций Пушкина, Лермонтова и Некрасова? Разве от их влияния, от усвоения их традиций, классических традиций, не зависит будущее нашей поэзии? Творческий метод Маяковского появился не на голом месте, а вырос на почве, подготовленной великими поэтами прошлого, и может быть до конца понят и оценен только в органической связи со всей историей поэзии, то не так же, как сама история революции в России может быть понята только в связи со всем революционным прошлым России.

Н. Грибачев говорит о том, что С. Трубецким только оторвал Маяковского от истории русской литературы, но и противопоставил Маяковского творчеству Пушкина, Лермонтова, Некрасова, пытаясь объявить их творчество творчеством «второго сорта» и сдвинуть в архив. Н. Грибачев цитирует следующее высказывание С. Трубецкого: «Необходимо было обновить язык, строй речи, образную систему, создать новую поэтику. Маяковский сделал это! Над стихами, метрами, ямбами, строфами и т. д. он поставил «хозяина» — живую человеческую мысль, живое слово современника, интонацию, передающую тончайшие оттенки мысли и слова».

— Пушкин, Лермонтов, Некрасов писали, используя строфы, строки, метры, — говорит Н. Грибачев. — Когда С. Трубецким утверждает, что Маяковский над всей этой системой стихосложения поставил «хозяина» — живую человеческую мысль, живое слово, он искажает Маяковского и пытается объявить мертворожденной поэзию великих русских поэтов прошлого.

Величие Маяковского заключается в том, что он в новых условиях, как полновесный новатор, развивал и продолжал лучшие традиции русской классической поэзии, насквозь пронизанные демократическими, освободительными, революционными стремлениями как в области содержания, так и в области формы.

Критикуя определение С. Трубецким поэтики Маяковского, как интонационной, включающей «и речь, и беседу, и сердечный товарищеский разговор, и гневный крик», Н. Грибачев приводит примеры из поэтических произведений Пушкина и Некрасова, показывая присутствие в них всех признаков разговорной речи, сердечной беседы.

— Утверждения о коренной ломке стихосложения, якобы произведенной Маяковским, не имеют под собой никакого научного основания, — заявляет оратор. — Маяковский в статье «Как делать стихи?» сам глубоко и точно определяет причины, которые заставили его искать новые ритмические ходы для своих стихов: «Революция вырвала нас из уютной корытины поэзии миллионы, жаргон окраины полился через центральные проспекты... Сразу дать все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни!» Таким образом новаторство Маяковского в области ритмического построения выросло на совершенно конкретной исторической почве. Это первое, что необходимо учесть.

— Маяковский, — говорит Н. Грибачев, — в действительности не ломал системы русского стихосложения, но гениально использовал заложенные в ней возможности. Он сумел сослечь в одной строфе размеры, которые раньше никогда таким образом не соединялись, использовал паузу и дополнительные слоги в качестве связок. И действительно, его новаторство не в том, что он, якобы, отбросил классическую систему стихосложения, а в том, что, учитывая темы времени, истолковывая поставивших масс, говор улицы, он выявил новые возможности русского стихосложения. Я не хочу сейчас касаться термина, но ритмика Маяковского — это не пресловутый такт, не тонический стих, не разговорный стих, а мощная полифоническая организация ритмики стиха на базе соответствующей строю русской речи системы стихосложения. Маяковский блестяще чувствовал музыку стиха, свободно совершал переход от одного размера к другому в пределах одной строфы и потому почти никогда не скатывался в прозаизм, чего, к сожалению, нельзя сказать о некоторых его так называемых учениках и продолжателях. Кто-то из них пытается быть формой Маяковского, как костюм с вешалки, не понимая, что Маяковский улавливал ритм своих стихов с историческими и психологическими факторами времени. Не понимая этого, к сожалению, и С. Трубецким, похлывая по плечу всякого, кто «делает» стих под Маяковского, не помогая, таким образом, а мешая росту поэтической молодежи. В этом еще одна порочная сторона статьи С. Трубецкого «Школа Маяковского».

Эту статью Н. Грибачев считает выражением групповщины, ибо, будучи направленной против тех поэтов, которые не повторяют форму Маяковского, статья ставит перед современными поэтами Маяковского, метая и им и Маяковскому.

Заключив свое выступление, Н. Грибачев говорит: —

— Талантливейший поэт нашей советской эпохи, великий новатор и гражданин, стоявший в ряду таких вершин, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, — Маяковский от послательства на него надежно защищен высокой оценкой нашего народа и любовью народной. И будут рождаться из нашего народа новые таланты, и будут они, ломая узкие рамки сектантских закутов, развиваясь свободно, в свободном избранном направлении, помня своих великих предшественников и заветы Маяковского: «Больше поэтов хороших и разных!».

С начала двадцатых годов, — говорит В. Перцов, — и, как и многие тысячи и десятки тысяч молодых людей, жив поэзией Маяковского. В образе Маяковского воплощен был для меня образ поэта революции. И тогда плохо разбирались в политике и стоял в теории искусства на пессимистических и формалистических позициях, но это не мешало мне чувствовать громадность того социального явления, каким был Маяковский. Я мечтал о том, чтобы работать с Маяковским. Я вступил в ЛЕФ, и моя мечта осуществилась: я стал работать в журнале Маяковского.

Что долго мешало мне понять истинное значение Маяковского? Пожалуй, больше всего левое учение. Вот что заслоняло от меня Маяковского. Знание Маяковского мне, как и всему народу, раскрыли великие слова товарища Сталина.

Отвечая на упрек ряда ораторов в том, что он не признал своих ошибок прошлых лет, В. Перцов говорит, что свои левые ошибки он признавал еще в 1930 году.

— Но исправлять ошибки нужно делом, — сказал В. Перцов, — и мне предстоит еще много сделать в этом направлении.

Переходя к своей работе над изучением творчества В. Маяковского, оратор говорит: —

Перед мной стоит задача продолжения книги. Вопрос о становлении и развитии метода социалистического реализма в творчестве Маяковского нужно ставить широко, в масштабе всего его творческого опыта советского поэта. Неверно ставить вопрос товарищам, которые считают возможным спрашивать: «А «Девый марш» это уже социалистический реализм? А «Прозаседавшиеся» — социалистический реализм? Метод социалистического реализма нельзя представлять себе отвлеченно, вне конкретного историко-литературного процесса.

Говоря о недостатках своей книги, В. Перцов признал неузнаемость своей фразы — «от футуризма к Горькому». Реакционную статью «Комсомольской правды» и статью В. Огнева в «Новом мире» В. Перцов считает пристрастными.

— Долгой групповщиной! — говорит оратор в заключение. — За товарищескую, честную, строгую критику работ, посвященных великому поэту советской эпохи, «давайте без зависти и без фальшивой власти в коммуноустройку слова-крики!».

А. Сурков, выступивший в конце утреннего заседания, резко критикует С. Трубецкого, характеризуя его выступление, как групповое и клеветническое. Оратор говорит: —

С. Трубецким обирали все комплексы газет и журналов, все папки со стенограммами за последние 25 лет в поисках моих «иррициональных высказываний» о Маяковском, и если бы у него была хоть капля порядочности, он не мог бы не заметить такого документа, как стенограмма 1-го съезда писателей, когда я, летым, раньше спутников Маяковского по ЛЕФу, выступил с трибуны этого съезда в защиту лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи, против фашистской вылазки Бухарина.

— Вы не могли не знать, я не помню этого! Вы политически нечестный человек, если позволяли себе такую страшную забывчивость в вопросе, который касается не путей и не мелкой литературной воли! — говорит А. Сурков, обращаясь к С. Трубецкому.

Далее оратор критикует книгу С. Трубецкого «Живой с Маяковским» за то, что в ней не нашлось места для ясной и резкой характеристики футуристического окружения Маяковского, для заслуженной критики ЛЕФа, оказавших отрицательное влияние на великого поэта. Слова эти должны были быть сказаны в книге С. Трубецкого и в книгах других исследователей не для того, чтобы приписать Маяковскому, который не был Гулливером среди алилуишников — футуристов и левых, а для того, чтобы остеречь молодое от влияния реакционных формализма и различного рода декадентских «теорий».

Серьезнейшим пороком книги С. Трубецкого оратор считает то, что она направлена не на копирование, а на разделение поэтов, то, что в ней многие советские поэты отлучены от Маяковского и тем самым объявлены поэтами бокового течения, а части состоять в «школе Маяковского» удостоены всего три-четыре строки, вовсе не исчерпывающие своим творчеством сегоднешней советской русской поэзии.

— Мы, советские поэты, худо ли, хорошо ли, но в меру своих сил и способностей делаемые сегодня советскую поэзию, никому не позволим поспорить нас с Маяковским. Это — попытка с негодными средствами.

А. Сурков приводит примеры антиисторических и ошибочных утверждений, содержащихся в книге С. Трубецкого.

С. Трубецким пишет: «Маяковский в развитии русской поэзии выполнил двойную задачу — он ввел новое, революционное содержание и надел на него новую, революционную форму». Это сущая неправда. Разве до Маяковского в русской поэзии не было революционных стихов Пушкина? Разве не было стихов мученической красоты Рылева? Не было разве чудесных революционных стихов Некрасова? Маяковский не нуждается в лаврах, снятых с чужих великих предшественников, чтобы украсить его чело.

Далее А. Сурков критикует С. Трубецкого за то, что тот уклонился от обсуждения книги «Живой с Маяковским» после появления статьи в «Правде», в которой была дана критическая оценка этой книге, как книги вулгаризаторской, что он, обрушивая на своих противников потоки из редакционной статьи в «Комсомольской правде» от 4 января 1953 г., ни словом не обмолвился о критике в этой статье его книги.

А. Сурков напоминает о грубо неверных высказываниях В. Котова на обсуждениях книги В. Перцова, когда он старался пре-

уменьшить влияние М. Горького на Маяковского в предреволюционные годы, доказывая абсурдную «истину», что Маяковский и без Октябрьской революции был бы великим пролетарским поэтом.

— В траурные дни скорби по Л. Толстому, — говорит далее А. Сурков, — Ленин с высоты глубокого уважения к этому гиганту русского народа сказал, чем он был силен и какие были у него исторические слабости. О Горьком на траурном митинге на Красной площади 20 июня 1936 года от имени СНК и ЦК ВКП(б) товарищ Молотов сказал, что после Ленина смерть Горького — самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества.

Но ведь мы же не говорим о том, что «Макар Чудра», «Мальба» и другие первые рассказы Горького — это социалистический реализм. Мы не уклоняемся стыдливо от того, чтобы сказать, что Горький в определенный период ошибался в религиозно-философских вопросах, а в определенный период неверно оценивал состояние дел в России. И Горький от этого меньше не делается! Маяковский, великий поэт, навсегда вошедший в духовный обиход нашего великого народа и человечества, не сделает меньше ростом от того, что мы скажем читателю о его некоторых неточных и неверных высказываниях.

А. Сурков критикует характер издания Маяковского за то, что в них включены документы, искажающие представление о Маяковском, вроде заявления о футуризме, подписанного поэтом совместно с В. Першениным, и за то, что справочный аппарат к этому изданию составляет своего рода благожелательную энциклопедию футуризма и ЛЕФа.

Одним из больших практических выводов нашего совещания, — говорит А. Сурков, — должна быть выражена нами воля: немедленно заняться изданием нового собрания сочинений В. В. Маяковского, чтобы издание и комментирование произведений поэта, являющихся достоянием государства, народа и человечества, перестало быть делом какой-нибудь группы, чтобы оно стало государственным делом.

Нужно, чтобы Институт мировой литературы имени А. М. Горького с той же мерой ответственности, как он занимается собиранием сочинений Горького и организацией научных работ, посвященных Горькому, занялся бы не по-казанному, а по-серьезному и глубоко организационно научным трудам, разрабатывающим многочисленные проблемы, связанные с жизнью, деятельностью и творчеством опытом Владимира Маяковского.

А. Сурков критикует рецензию В. Огнева «Ясности!», напечатанную в «Новом мире», за легковесность и бездоказательность.

Далее он говорит о том, какой вред приносит сектантские требования, чтобы все поэты пользовались только поэтикой Маяковского, а затем характеризует широкое влияние Маяковского на творчество ряда советских поэтов.

Не надо заслонять от поэтической молодежи той хорошей, чудесной системы, которую изобрел, открыл, оплодотворил своим творчеством Маяковский, но не надо футуризма Маяковского заслонять всю перспективу живого, плодотворного опыта русской поэзии, которая простирается от Ломоносова до Маяковского.

— Это будет бесхлястственно, будет поленически, не по-сталински, — говорит А. Сурков. — У Маяковского можно и нужно учиться. Но и у Пушкина можно и нужно учиться многому, ибо Пушкин не обогатил нас для поэтов, ни для читателей, ни формой своего стиха, ни языком. Если бы кто-нибудь написал сегодня:

Нева металась, как большой
В своей постеле беспокойной...

— ему бы сказали: «Какой ты смелый, молодой, сегоднешний в своих изобразительных средствах!»

Если бы кто-нибудь написал:

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как лапяр, битва отдыхает.

— разве набросились бы мы на автора, как на архаиста? Ведь это и современнику на первый взгляд, парадоксальное сравнение тисающегося зверя битвы с мирным пахарем в миг трудовой передышки.

Поленившись с выступлением Б. Ростомов, А. Сурков говорит, что, по его мнению, драматургия не является сильнейшей стороной творчества Маяковского, поэта, лучше и активнее раскрывавшего действительность через свое лирическое «я».

Отвечая на критические замечания о состоянии современной поэзии, А. Сурков говорит: —

В. Котов всех поэтов обвинил в том, что они ничего не делают. Это прозвучало демагогично, но доля истины в этом обвинении есть. У нас истекший год был неудачным в поэзии. Поэзия летается в хвосте за событиями, поэтам следует помнить о том, что

...надо
рваться
в завтра,
чтоб брочки
трещали
в шаг!

(Маяковский)

Мы время от времени ослабляем внимание к вопросам мастерства, разбавляем, начиная писать как попало. Сколько нам и стихов в прошлом году было напечатано в «Новом мире», «Огоньке» или любом другом журнале? А у читателей после знакомства с ними возникают в памяти строки: «Была без радости любовь, разлука будет без печали».

Это к нам обращены слова Маяковского:

Дайте крепкий стих
голосом этак на сто,
чтоб не таял стих,
как дым клубимый,
чтоб стихом таким
звенеть

перед временем,
перед республикой,
перед любимой.

Это написано давно, но звучит и сегодня.

Такой Маяковский стоит и перед Твардовским и перед Сурковым, не пишущим стихов лесенкой, и перед Горьким и Ботвинным, пишущим стихи лесенкой, —

стоит во весь рост со всей своей требовательностью.

То, что на XIX съезде партии было сказано тов. Г. М. Маленковым о типическом, прекрасно раскрывается в творчестве Маяковского. У Маяковского есть «Хорошо!», у Маяковского есть американские стихи и другие произведения, которые через каждые новые десять лет становятся все моложе, все улачнее. Вот так надо работать, как работал Маяковский, который в 1927 году заглянул в 1955 год!

Мы говорим: Долой бесконфликтность, за вырастет сатира! А в произведениях Маяковского сатирическое пронизывает все: поэмы, стихи, драматургию. Перечитайте Маяковского, вы увидите, как его гениальность близка Салтыкову-Шchedрину, Рабле, Спифту, потому что творчество Маяковского — произведение от большого богатства процесса наращивания культурных ценностей человечества. Иным Маяковский при его гениальной одаренности и не мог быть.

Некрасов — автор «Современников». Некрасов сатирической струи поэмы «Бом на Руси жить хорошо». Некрасов — автор многих блестящих сатирических стихов — родня Маяковскому. Он стоит перед ним, как отец перед сыном.

Отметив достоинства и недостатки книг о Маяковском, написанных В. Перцовым, В. Новиковым, Д. Фейгельманом, Д. Молдыским, сказал, что исследование Маяковского не должно вставать в позу слепого, прокурора или адвоката, А. Сурков заявляет в заключение:

— Хорошо, что довольно много книг о Маяковском уже написано. Пусть будет написано еще больше. Пусть не обогатит работа исследователей тем недостатком. Недостатки исправимы там, где не потеряно чувство критики и самокритики. Но несомненно, что с каждой новой книгой все шире и полнее будет освещено богатство творческого наследия «лучшего, галлантийшего поэта нашей советской эпохи».

— Очень плохую услугу нашему совещанию, — говорит В. Катанян, выступивший на заседании 23 января, — оказал С. Трубецким своим неправильным выступлением, он сосредоточил на себе слишком много внимания и тем самым отвлел нас от рассмотрения очень важных проблем. Далее оратор целиком посвящает свое выступление критике книги В. Перцова, утверждая, что если сравнить первую книгу В. Перцова о Маяковском, вышедшую в 1940 году, с книгой, вышедшей в 1950 году, то обнаружится, что в 1950 году В. Перцов стал относиться к Маяковскому более критически, находить в нем массу темных сторон, дефектов и изъянов. Все это приводит к искажению творческого облика великого поэта. В частности, В. Катанян возражает против утверждения В. Перцова, будто в противоречиях старого мира «запутался и не мог найти выхода из них трагический герой дореволюционных поэм Маяковского».

Полагая, — говорит В. Катанян, — это тот самый герой, который влият «изуещего через горы времени», герой, который общается глупой революцией свою душу, как зная, тот самый герой, который «среди волн, среди вылаз» поднял человеческий голос против мировой бойни.

Оратор говорит, далее, что в книге В. Перцова показаны какие угодно влияния на Маяковского, но не показано только влияние Маяковского на современную ему поэзию. В. Перцов общается разбить миф о футуризме, но, по мнению В. Катаняна, в действительности автор превеличивает влияние футуризма на Маяковского, роль футуризма в его литературной биографии, то есть раздувает этот самый миф. Футуризм получается у Перцова мучим, а Маяковский в сопоставлении с ним — слабым, безвольным, легко поддающимся под разные влияния. Против этого нельзя не протестовать, заявляет В. Катанян.

В заключение оратор оценивает выступление В. Перцова, как несамодовольственное. Следует отметить, что В. Катанян в ряде мест своего выступления критиковал книгу В. Перцова в неполном объеме на творческой дискуссии. тоне, необоснованно приходя к выводу, что задачей В. Перцова являлось якобы сознательное и злонамеренное извращение творчества Маяковского.

Д. Фейгельман в своем выступлении говорит о том, что творчество талантливейшего советского поэта В. Маяковского в Болгарии, Чехословакии, Польше стало народным достоянием.

— Первый поэт ударной бригады мирового революционного движения, — говорит Д. Фейгельман, — он во всеоружии поэзии социалистического реализма находится на передовой линии мира. Маяковский воспринимается за рубежом не как представитель какой-то школы, направления, а как ярчайший представитель советской поэзии в целом, как замечательный русский советский поэт, представитель большого и сильного отряда советских поэтов. В его образе наиполнейшее воплощение качества поэта нового мира, поэта нового типа, поэта социализма.

Д. Фейгельман говорит, что Маяковский пришел к братским народам вслед за Горьким, как законный наследник и продолжатель лучших традиций русской классической поэзии, и именно так был там воспринят прогрессивными писателями.

Искусство Маяковского помогает каждому художнику максимально проявить своеобразие национальных традиций, своеобразие индивидуальности, глубже войти в жизнь своего народа. Поэзия Маяковского помогает выработать метод социалистического реализма в творчестве поэтов, кроно связанных с судьбами своих народов, обогащая революционные традиции национальных культур.

Характерно, что переиздано смело воссоздал произведение Маяковского на своем языке тогда, когда опирается на переиздание традиций своей национальной культуры, как опирался Маяковский на традиции русской классической поэзии. Хорошие переиздания поэзии Маяковского — неслыханное свидетельство нового обогащения поэзии народа. Д. Фейгельман соглашается с ритмом критических замечаний по поводу ее книги, в том числе с тем, что в ней недостаточно сказано о сатирических традициях поэзии Маяковского.

Прод

